

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Более чем тысячелетняя история христианской религии на восточнославянских землях не могла не отразиться на развитии духовной культуры древнерусского, а затем и белорусского, русского и украинского народов, на формировании языковых стереотипов их этнокультурной эволюции. Всеобъемлющий характер воздействия религиозного сознания на становление образно языковых структур объясняется прежде всего основной идеей христианского вероучения, его ориентированностью на познание смысла жизни.

«Идея же христианства, — считает Вл. Соловьев, — не есть какое-либо отвлеченное умозрение, а содержит в себе цельный смысл человеческой и всемирной жизни». В этом следует, на наш взгляд, усматривать главный фактор идиоматизации тех языковых структур, которые в обобщенно-образной форме позволяли отразить христианство в трех взаимосвязанных ипостасях: а) как исторический факт, б) как высшую истину и в) как задачу человечества. Это три важнейшие составные части религиозного сознания, в основе которого лежат верования, представления, образы, идеи, настроения, чувства, то есть главные факторы порождения фразеологических оборотов на почве христианской религии и культуры (религиозных сочинений, обрядов, традиций и предметов культа). Например, фразеологическая единица (ФЕ) *земля обетованная* — 1) «место, куда кто-либо страстно мечтает попасть», 2) «предмет страстных желаний, устремлений, надежд» и т.д. и т.п., 3) «место, где царит довольство, изобилие, счастье»; в Библии этим выражением обозначалась обещанная Богом земля для детей израилевых, когда он выводил их из египетского плена, земля богатая и просторная, «где течет молоко и мёд». С этим же библейским сказанием связано возникновение ФЕ *египетский труд* // *египетська робота (праця)* «очень тяжелая, изнурительная работа» и *египетская казнь* // *египетська кара* «невыносимо тяжелое положение, беда, бедствие»; по библейскому сказа-

нию, казни египетские — десять стихийных бедствий (моровая язва, самум — удушливый ветер пустыни и т.п.), которым подвергся народ Египта за отказ фараона отпустить евреев из плена.

С обрядовыми традициями генетической нитью связана ФЕ *козел отпущения* // *козел відпущення* // *казёл адпущенія* «человек, на которого сваливают чужую вину, ответственность за других»; у древних иудеев существовал обряд отпущения грехов: в этот день первосвященник возлагал обе руки на голову живого козла в знак возложения на него всех грехов еврейского народа, после чего козёл изгонялся в пустыню.

Часть восточнославянских ФЕ содержит в своем составе названия предметов религиозного культа. Например: *курить* (*выскурять, жечь*) *фимиам кому* // *кадить* (*курить, надити*) *фіміам кому, перед ким* «льстиво превозносить, восхвалять кого-либо» (фимиам — благовонное вещество для курения, главным образом при религиозных обрядах, или ладан); *дышать на ладан* // *дихати на ладан* «находиться в предсмертном состоянии» (умирающий исповедуется перед священником, свершающим окурение фимиамом, или ладаном). Такие ФЕ могут значительно удаляться от значений своих первоисточников, теряя при этом религиозное содержание. В этом случае религиозное сознание сближается с обыденным, житейским сознанием со всеми его жизненно важными образами и ценностями, которые, как и любые другие идеальные образования, становятся «действительным практическим сознанием» лишь в результате их материализации соответствующими формами выражения, хранения и передачи от человека к человеку, от поколения к поколению.

«Формой выражения религиозного сознания служит символ». В христианском сознании религиозно-мифологический символ выполняет роль некоторого посредника между миром реальным и миром сверхъестественным. Эта роль конкретизируется тремя основными функциями религиозного символа: а) мировоззренческой, заключающейся в познании смысла жизни; б) эмоционально-психологической, поскольку символ стимулирует возбуждение эмоций человека и его религиозные переживания; в) коммуникативной: религиозный символ — средство объединения людей, по символу определяют принадлеж-

ность к той или иной конфессии. Выполнение символом этих функций и такой посреднической роли возможно лишь в силу совмещения в нем религиозно-мифологического и обыденно-языкового сознания, которые изначально находятся в генетической взаимосвязи, перерастая затем в самостоятельные знаковые образования. По утверждению Эрнста Кассирера, «они являются различными побегамии одной и той же ветви символического формообразования, происходящими от одного и того же акта духовной обработки, концентрации и возвышения простого представления»³. Поэтому смысл метафоризации и на ее основе фразеологизации следует искать «в интенсификации, концентрации чувственного опыта, лежащего в основе как языкового, так и религиозно-мифологического символизма».

При этом конденсация чувственного опыта усиливается по мере идиоматизации религиозно-мифологического выражения, то есть переосмысления по линии свободное синтаксическое словосочетание — метафорическое словосочетание — фразеологический оборот.

Такова, например, семантическая история ФЕ *надеть (облечься) [в] белые одежды на кого* «возродить доброе имя (чье), оправдать невинно убиенных», или, как бы мы сказали сегодня, «реабилитировать кого-либо». В Библии это выражение употребляется в разных вариантах, выступая и в прямых, и переносных значениях. Так, в пророческой книге Нового Завета Апокалипсисе, или Откровении Иоанна Богослова, рассматриваемый оборот употребляется в прямом значении. Ср.: «...престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий» (Откровение, 4:2); [...] «И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я двадцать четыре старца, которые облечены были в белые одежды и имели на головах своих золотые венцы» (Откровение, 4:4); «И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли?» (Откровение, 7:13). Кстати, фраза, содержащая вопрос, взята в качестве эпиграфа к роману В.Д. Дудинцева «Белые одежды», возвращая тем самым ее в актив современной идиоматики и придавая ей актуальное символическое содержание.

Как религиозный символ выражение *белые одежды* начинает свой метафорический путь уже в Библии, поскольку культ

света в христианской религии является традиционным, а символ света наполняется религиозным содержанием (отсюда этимологические связи слов *свет* — *светлый* — *святой*). Разъяснение символического содержания слов светлый, белый находим также в Откровении Иоанна: «И дано было ей [жене Агнца] облечься в виссон⁴ чистый и светлый; виссон же есть праведность святых» (Откровение, 19:8). Символически-переносное значение эта фраза обретает в устах Иисуса: «Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны» (Откровение, 3:4), «Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его» (Откровение. 3:5). Вот почему ФЕ *облечься в белые одежды* содержит в своем значении важный смысловой слой — «навек войти в память народную за муки, принятые во имя света и праведности». Данный смысловой подтекст также находим в Библии. На вопрос «сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли?» дается следующий ответ: «Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца; за это они пребывают ныне пред престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них; они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их, водить их на живые источники вод, и отрет Бог всякую слезу с очей их» (Откровение, 7:14-17). Подтекст святости и праведности — важнейший смысловой архетип, сохранившийся и в современном значении анализируемой ФЕ.

Как убеждает анализ, ФЕ библейского происхождения связаны со своими свободносинтаксическими генотипами неоднозначно: фразеомобразующей базой выступают: а) устойчивые словосочетания из текстов Библии, выражающие нефразеологические значения; б) свободные сочетания слов; в) отдельные слова, обладающие образно-символическим значением; г) фрагменты из текста Священного Писания.

По структурно-генетическим признакам фразеологические старославянизмы восточнославянских языков можно упорядочить по трем разрядам.

1. Фразеологические старославянизмы, сохранившие в современных языках не только семантико-структурную модель своих прототипов, но и ее лексико-грамматическую наполняемость. Их можно подразделить на две подгруппы: 1) библейские фразеологические заимствования, сохранившие в современных восточнославянских языках изначальные лексические компоненты, грамматическую форму и значение (*ищите и обрящите*); 2) ФЕ, возникшие на базе сочетаний нефразеологического характера а) в прямом и б) в переносно-символическом значении. Все ФЕ первой группы подверглись семантической эволюции.

2. ФЕ библейского происхождения в восточнославянских языках, возникшие путем ассоциативно-образной конденсации отдельных фрагментов ранних христианских сочинений или соответствующего религиозного мифа в целом. Образцом возникновения ФЕ на основе фрагментарных повествований может служить становление ФЕ *нести свой крест // нести свй крест* «терпеливо переносить страдания, испытания, тяжелую судьбу».

3. ФЕ, содержащие в своем компонентном составе названия элементов (церковно)старославянской графики. Фразеомообразующая роль этих компонентов объясняется тем, что «создатели славянского алфавита не случайно давали названия буквам, они, — справедливо подчеркивает И.Б. Миронова, — утверждали непреходящую ценность слова. Названия букв кириллицы обозначают вечные общечеловеческие истины». Это как раз те свойства названий букв, которые необходимы для формирования обобщенно-целостного фразеологического значения. Например, *с азов* — «с самого начала», *ни аза [в глаза]* (*не знать, не понимать, не смыслить* и т.п.); *от аза до ижицы* (названия первой и последней букв в старославянском алфавите); *фертом ходить* и т.д.

Подытоживая наши наблюдения над ФЕ восточнославянских языков, связанными своим происхождением с христианской культурой, следует отметить, что выделенные три разряда ФЕ различаются характером фразеомообразования и степенью мотивированности их значений, содержанием деривационной базы. Объединяет же эти три разряда ФЕ многовековая глубина заложенного в них культурологического смысла, на-

званного В. фон Гумбольдтом «духом народа», того смысла, который, будучи генетически связанным с христианским миропониманием, отражает социальную реальность нашего времени.

---

¹ Соловьев Вл. *Жизненный смысл христианства* // *Филос. науки*. 1991. № 3. С. 52 — 64.

² Угринович Д.М. *Введение в религиоведение*. М.: Мысль, 1985. — 56 с.

³ Кассирер Э. *Сила метафоры* // *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. С. 36.

⁴ Виссон (греч. — «тонкий лен») — дорогая белая (или пурпурная) материя, употреблявшаяся в древней Греции и Риме.